

ДВА ПИСЬМА О ШКОЛЕ

Это важно

советов — везде ставился и обсуждался этот вопрос. Решено также перейти учащимся на самообслуживание: самим убирать классы, ремонтировать парты, столы и т. д.

Раньше у нас в школе было 12 технических служащих. В связи с переходом на полное самообслуживание мы оставили лишь одного работника.

Заменяли собой штатных работников и юные библиотекари. Они внесли большое оживление в эту работу. Дело пропаганды художественной литературы по настояющему взяли в свои руки учителя литературы. С нового года упряднены штатные единицы делопроизводителя, лаборанта, заведующего пришкольным участком.

Многие из того, что сделали мы, можно считать, как мне кажется, влюбил школу.

В. ЛЯНСКИЙ,
директор Сухаровской средней школы,
Красно-Полисково района,
Московской области

После занятий в классе...

ОЗЕРИЩЕНСКАЯ семилетняя школа со всеми своими живыми пристройками, спортплощадкой, садом и огородом расположена в центре села и огорожена частотолом. Возле этого частотолом я как-то долго ждал учителя биологии Анну Кузьминичну — она погнала в стадо свою корову. Вернувшись, учительница нарвала травы скотины, потом устало опустилась на крыльцо и вздохнула.

— Если бы вы знали, как надоело возиться с хозяйством! Коровы, огород, сенюк...

— А зачем же нужно держать такое хозяйство? — осторожно спросил я.

— Разные причины, — сказала Анна Кузьминична. — Тут, конечно, и традиция — в деревне живем, привыкли к хозяйству. Да и откуда же продукты взять, если не будет своих? Так и погрязнешь в хозяйстве, в ущерб делу.

Слушая Анну Кузьминичну, я вспомнил о разговоре с бригадиром колхоза, который сокрушено покачал головой, когда зашла речь об учителях: «Остаются. Мало сами учаются».

Потом я поднялся на шаткое крыльцо сельской библиотеки. В небольшом помещении было немало книг. Я взглянул в картотеку — за все лето почти никто из учителей книг не брал.

А рядом лежали формуляры механизаторов, доярков, полеводов, слыхом знакомые названиями книг. И в библиотеке удивилась, когда речь зашла о том, что сюда не ходят учителя.

— А зачем им ходить? Они и так грамотные. Если что-нибудь для уроков надо, — тогда заглянуть.

Я заговорил об этом с Анной Кузьминичной. Она взволновалась.

— Все правда. Но почему?.. Разве мы

Смоленская область

В беседе с нашим корреспондентом...

Большой успех «малой» драматургии

НЕДАВНО подведены итоги конкурса на лучшую одноактную пьесу, который проводился в связи с 40-й годовщиной Ленинского комсомола. Первая и одна из вторых премий присуждены С. Гансовскому за пьесы «Северо-западные Берлины» и «Люди этого часа». Второй премии удостоены и пьеса А. Елагина «Путеводная звезда». Третьей премии отмечены пьесы «Страшная история» М. Смирновой и М. Крайндель, «Свой ребиата» Ю. Грачевского и «Факелы» А. Полдия.

Шесть пьес получили поощрительные премии. Это — «Повесть о простом яичнике» Д. Щеглова, «Прощание» Л. Зорина, «Во время бурана» А. Кулина, «Семидатая вдова» Э. Рыжовой и И. Воеводин, «Презвие» Л. Уваровой и «Что скажет Марья Алексеевна?» А. Филимонова.

— Как вы расцениваете итоги конкурса? — с таким вопросом обратился наш корреспондент к председателю жюри конкурса Николаю Погодину.

— Мы достигли своей главной цели — вызвать к жизни новые творческие

силы, назвать новые писательские имена. Конкурс дал многоценный любительский кружок и профессиональный театр одноактные пьесы, насыщенные большими идеями современности.

В конкурсе приняло участие около полутра тысячи авторов. На заключительном заседании жюри у нас были долгие и горячие споры, кому из авторов двух лучших, на наш взгляд, пьес отдать первую премию. Каково же было наше изумление, когда выяснилось, что автором двух столь непохожих по манере письма произведений оказался один и тот же начинающий драматург С. Гансовский. Конкурс выявил, конечно, и других способных драматургов-непрофессионалов. Помимо 12 премированных, отобрано еще 50 пьес, которые также будут выпущены в свет после доработки.

— И что очень ценно, — сказал в заключение Н. Погодин, — все эти пьесы отражают многогранную жизнь нашей страны, великую созидательную работу партии.

постоянно свежи в это время) не может выйти в свет... Но силы Гоголя уже не «свежи», как раньше, счастье полного вдохновения, полной творческой отдачи, когда творил, как сама природа, — с ним не повторяется. Он гинитизирует себя и друзей, уверяя, что все те перь, — во втором томе, — будет еще глубже, мудрей, совершенней, но и его уверения, и уверения друзей звучат даже в письмах чем-то насильно-самовнушаемым, преувеличенно-уверенным. А в работе происходит странное, незаметное скопление, принимаемое Гоголем за подъем, но на самом деле — вниз и вниз.

Фасосом первого тома «Мертвых душ» была не только блистательная ланка реальных характеров, но и могучая тенденция разоблачения. В самом конце поэмы, перед бессмертным видением тройки — Руси, Гоголь позволил себе, в первый раз, прямую публицистику, он обнаружил существо своего Чичикова: «Приобретение — вина всего; из-за него произвелись дела, которые свет дает название не очень чистых... Быстро все превращается в человека; не успеешь оглянуться, как уже вырос внутри страшный червь, самовластно обративший к себе все жизненные соки... Еще падет обвинение на автора со стороны так называемых патриотов, которые спокойно сядут себе по углам и занимаются совершенно посторонними делами, накопляют себе капиталы... «Да хорошо ли выводить это в свет, провозглашать об этом?.. А что скажут иностранцы?» и т. д.

Но фасосом второго тома «Мертвых душ» Гоголь, незаметно для себя, сделал именно то, что разоблачал в первом: лихорадку приобретенных, раская Костанжого, как богатства, правильно хозяйничая на земле, как надо начинать с копеечки, чтобы долги до тысячи, и как прекрасно богатство «миллионщика» Муразова, который может уже идти «прямым путем», то есть просто ханжить миллионы по дороге, потому что у него нет конкурентов... И эта переосмысленная «Мертвых душ», где частное предпринимательство, в первом томе разобла-

Московский трест индивидуального пошива одежды проводит интересную инициативу. Работники ряда ателье выставляют непосредственно на предприятия, где в определенные дни и часы, удобные для работающих, принимают заказы на изготовление одежды и платяев, а также продают готовые изделия. И услуги заказчикам альбомы с новейшими фасонами, образцы пальто, костюмов, платьев. На снимке: закройщица ателье № 20 А. Конодрасина подбирает пальто намотчике канатного цеха завода «Серп и молот» А. Богомоловой и ее подруге З. Бродиной. Фото В. МАСТЮКОВА

ДАВАЙТЕ подумаем: терпимо ли такое положение, чтобы ежегодно школа ремонтировалась, ежегодно приобреталась школьная мебель, белались стены, потолки, красились парты, панели? Нормально ли, что будущий строитель коммунистического общества, ныне школьник, уйдя из класса, оставляет после себя оторванную крышку от парты, сор, чернильное пятно, царапины на панели и уходит с твердым убеждением, что к его приходу в школу мусор должен быть убранный, чернильное пятно стерто, царапина заретуширована, а парты отремонтированы? Он знает: в наведении порядка участвуют технический персонал, маляр, плотник. И когда ученик видит, что за него все делают другие, а он пользуется только готовеньким, естественно, у него не может появиться чувство ответственности, чувство бережливости к общественной собственности, к школьному имуществу.

Вот так рождаются и укрепляются леность и пренебрежение к чужому труду. И нечего в таких случаях почитать пережитки, перечислявшие к нам из прошлого, когда сами мы порой поддерживаем их и культивируем.

А нельзя ли избежать ежегодных затрат на ремонт? Нельзя ли сделать так, чтобы школу сохранить без ремонта примерно пять-шесть лет? А если потребуются мелкий ремонт, то сделать его без затрат государственных средств, своими силами?

Загляните в годовую смету школы. Какие значительные средства выделяются ежегодно на приобретение школьной мебели: парт, столов, шкафов, скамеек, на капитальные и текущие ремонты. Я знаю немало школ-новостроек, которым спустя год после сдачи их в эксплуатацию ассигнуются десятки тысяч рублей на ремонт, побелку, покраску.

В общей сложности каждый год по стране сотни миллионов рублей бросаются на ветер как по вине органов народного образования, так и по вине педагогических коллективов. А именно они должны вести настоящую борьбу за экономия государственной копейки, за бережливое отношение к школьному имуществу. Ведь это имеет прежде всего большое воспитательное значение. Глубоко убежден, что поднятый мной вопрос — отнюдь не второстепенное дело в свете тех огромных задач по воспитанию человека коммунистического завтра, которые поставлены в докладе товарища Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС.

Расскажу об опыте нашей школы.

У нас есть пришкольный участок. Он небольшой. Всего два гектара. На нем мы развели фруктовый сад — 150 корней, посадили смородину — 100 кустов и клубнику — 0,7 гектара.

Благодаря хорошему уходу за садом и огородам в нынешнем году мы от реализации продукции с пришкольного участка получили 6 000 рублей и на эти средства организовали при школе для ребят, которые по тем или иным причинам не смогли уехать в пионерский лагерь, бесплатный летний санаторий, в котором в течение месяца лечились и отдыхали 22 школьника. А силами ученической ремонтной бригады изготовили в школьных мастерских (статистика говорит, что были построены учащимися и на их строительство мы сэкономили 60 тысяч рублей) 150 табуреток, 10 вешалок, 40 скамеек, произвели ремонт рам, парт, дверей и т. д.

Все это позволило нам за один год вернуть государству 25 тысяч рублей сметных средств, ассигнованных школе на ремонт. В 1957 году мы отказались взять у государства 31 тысячу рублей на ремонт и приобретение мебели. А всего за последние три года мы вернули государству около 100 тысяч рублей.

Три года мы не берем у государства ни копейки на ремонт и оборудование школьного здания. А школа и школьная мебель выглядят так чисто и ново, точно вчера были сделаны покраска и побелка.

Было время, когда и в нашей школе ежегодно тратили десятки тысяч рублей на ремонт. И это считалось вполне нормальным. Нам и в голову не приходило, что это самое настоящее расточительство, а если рассматривать этот вопрос с позиции воспитания подрастающего поколения, — это просто, мягко выражаясь, антипедагогично.

Еще и еще раз подчеркиваю: вопрос бережливости — это не только сохранение значительных средств, но это вопрос большого воспитательного значения, занимающий не последнее место в арсенале тех средств, которые помогают формированию строителя коммунистического общества.

Три года тому назад начали мы поход за бережливостью, против расточительства государственных средств. На комсомольских собраниях, школьных линейках, пионерских сборах, на педагогических

У ОБЪЕКТИВА ТЕЛЕКАМЕРЫ

Лев КАССИЛЬ

и до тех, кто, скажем, по разным причинам и газету не всегда читает, и в кино почти не бывает. Телевидение для таких — домашнее удобство, техническая деталь комфорта, для пользования которыми не нужно совершать никаких усилий — во всяком случае, не больше, чем для того, чтобы повернуть кран водопровода. Конечно, не такие потребности определяют отношение зрителей к телевидению. В сотнях писем, присылаемых на телевидение, содержатся справедливые замечания, деловые советы и интересные предложения. Но все же отношение к телезрителю совсем иное, чем к зрителю, просмотренному в театре. В театр идут по своему выбору, а телеспектакль при-

НА ЭКРАНЕ И ЗА ЭКРАНОМ

МНЕ, ПОЖАЛУЙ, трудно говорить о нашем телевидении как зрителию. С первых шагов его, как и с самого начала советского радиовещания, мне частенько доводилось быть не слушателем и зрителем, а непосредственным участником передач, смотреть не только на экран телевизора, но и, так сказать, в объектив телекамеры. Поэтому мне более видны и понятны те недостатки и специфические трудности, что часто мешают нашему телевидению быстро подняться до уровня тех требований, которые предъявляют к нему миллионы внимательных и крайне выскательных телезрителей.

Дело в том, что ни одна газета, ни одна книга никогда не имеют такой всепроникающей доходчивости, как радио и телевидение. Судя по массовому отклику, который, как правило, вызывает любая передача в эфир, она «добирается»

Почему скучают зрители

НА ЭКРАНЕ — огромное поле Свердловского аэропорта. Один за другим отправляются в рейс самолеты. Неожиданно для телезрителя где-то вдали возникает маленькая, еле видимая точка. Это — самолет «ТУ-104».

Его появление было неожиданным и для операторов, которые не планировали на этот раз встречи с «ТУ-104». Но они не упускают его из кадра, снимают воздушного корабля приобретает все более отчетливые очертания. Подсака. Выходят пассажиры, репортёр беседует с некоторыми из них. Пока пассажиры отдыхают, телезрители знакомятся с конструкцией самолета. Станция окончена, пассажиры занимают свои места. Счастливого пути!

Эта передача понравилась зрителям. Они как бы сами побывали на аэродроме и порадовались внезапной встрече с чудесным самолетом и его пассажирами.

К сожалению, не всегда востудий-

дело в том, что они это делают лишь в часы, свободные от основной работы, и, как правило, готовятся к репортажу наспех. Воспитателем же, подготовкой квалифицированных комментаторов никто не занимается.

Скучивает наши возможности недостаточная техническая вооруженность студий. Передвижные телевизионные станции (ПТС-52), которыми располагают периферийные студии, не имеют в комплекте ни одного подвижного штатива. Совершить, например, экзотическую поездку на завод или выставочный зал почти невозможно — камеры не двигаются. Во время репортажа со Свердловского аэропорта был такой момент, когда на камера двигалась, а... «ТУ-104» разворачивался так, как это было удобно для операторов.

И еще одна «мелочь». Вот уже несколько лет радиотехническая промышленность обещает выпустить репортёрский микрофон. Но обещания остаются обещаниями, а микрофона нет.

Нам кажется, что телезрители мало заинтересованы во востудийном репортаже. Свердловский телецентр, например, должен обеспечить двадцать часов востудийного вещания в месяц. Этот план можно выполнить, сделав семьдесят выездов в театры, в концертные залы, на стадионы. Чем длительнее востудийная передача, тем «выгоднее» телецентру — меньше выездов. Да и технически обеспечить длительные передачи значительно проще, чем небольшие репортажи. И получается так, что студия планирует иной раз то, что зритель мало интересуется.

Количество востудийных репортажей надо резко увеличить и улучшить их качество.

А. АЛЕКСЕЕВ,
главный редактор студии телевидения
СВЕРДЛОВСК

Идет телепередача... Рис. Н. Лисогорского

ный репортаж бывает интересен, хотя его и ждут телезрители. Почему?

Прежде всего, у нас мало квалифицированных комментаторов. Как ни странно, в студиях телевидения, даже в Центральной студии, нет такой штатной единицы, как комментатор. От случая к случаю репортаж ведут редакторы или дикторы. В этом нет, разумеется, ничего предосудительного, но

ПОЗДРАВЛЯЕМ ПОБЕДИТЕЛЕЙ!

СЫШЕ восьмью тысяч работ было прислано в Москву мастерами художественной фотографии и фотобиографами на всеююзную выставку «Фотоискусство СССР», 907 из которых отобрало в свое время для показа на выставке. Свыше трехсот тысяч человек познакомились с лучшими фотороботами.

Несколько дней назад Министерство культуры СССР подвело итоги этого большого творческого конкурса.

Высшим призом выставки — дипломом I степени и именными сувенирами отмечены работы П. Оцула (серия портретов В. И. Ленина), В. Тарасовича («Следы в пустыне»), «Демонстрация завода», А. Бушкина (цветные натюрморты), В. Вдовина и К. Вдовина (цветной фотозолот), Л. Зверева («Ленинградский вечер», «Площадь декабристов»), А. Темекина («В. Маяковский», 1925 год), «Артист В. Яхонтов») и Я. Халипа («В наводнении»).

СЛЕТ ЮНЫХ ДРУЗЕЙ КНИЖИ

Большим праздником в Колонном зале Дома союзов завершилась традиционная Неделя детской книги. На слет юных друзей книги собрались пионеры и школьники столицы и многих подмосковных городов. В нем приняли участие А. Алексин, А. Дугинцев, С. Михалков, Е. Пермяк.

В творческой лаборатории Гоголя

Маринetta ШАГИНЯ

В 1836 ГОДУ Гоголь писал М. П. Погодину из Парижа: «Вещь, над которой сижу и тружусь теперь и которую долго обдумывал, и которую долго еще буду обдумывать, не похожа ни на повесть, ни на роман, длинная, длинная, в несколько томов, называние ей **Мертвые души** — вот все, что ты должен покамест узнать об ней. Если бог поможет выполнить мне мою повесть так, как должно, то это будет первое мое порядочное творение. Вся Русь отзовется в нем».

Вся Русь должна «отозваться» в поэме. Но для этого надо хорошо ее знать, жить ею, каждым ее словослиям, воздухом ее людей, пейзажем, бытажами, архитектурой. Отнюдь не доверяя собственной памяти и своим впечатлениям, Гоголь почти в каждом письме просит друзей сообщать ему такие подробности русского быта и жизни, как если бы он собирал научные данные для этнографической диссертации. Своих близких — мать и сестер — он заставляет описывать ему соседней, их одежды, их разговоры, крестьянские деревенские происшествия; знакомых в Калуге — заставлял дать ему эту Калугу как на ладони, от губернской канцелярии до бала; то же самое — об одежде белгородских крестьян, их пласках. Словно беспрерывно называет он все эти сведения на вступающе в его воображении образы и сцены.

Но этого мало. На протяжении нескольких лет он буквально «изучает» Россию, требует и требует от С. Т. Аксакова реестры сенатских дел; от А. О. Росета — вышедшие повести Дая: «Вообще все, что только зацепило хоть сколько русского человека и его жизни, мне теперь очень нужно». С. П. Шевырев пишет: «...я ничего не читаю, кроме статистических всякого рода документов о Рос-

сии...» Русские летописи, «Русские праздники» Суеграва, пословицы и поговорки, книга Палласа, записки о России Рычкова, Севергина и Зуева, а главное — своды законов, всевозможные уголовные происшествия, статистика Андросова и экономика, география и этнография России — все это шлетесь ему и поживаете им, для того, чтобы, спустя тринадцать лет после начала работы и уже издав первый том, воскликнуть в письме к сестрам Вильгельмине: «При полном незнании земли своей утвердился у всех гордая уверенность, будто знаю ее. А между тем какую бедную прощаль даже для того только, чтобы узнать, как мало знаешь, и чтобы быть в состоянии существовать по России, как следует, смиренно, с жаланием знать ее».

Собственно, желание поездить по русским городам и деревням, чтоб все это «попущать», как он выражается, своими руками, ни на минуту не покидает его. И, пошла из-за границы на родину, он частично выполняет свое намерение. Его записные книжки полны поразительных записей, как будто совсем не нужных художнику. Большое место в них занимает экономика (мельница в Моршанске, пермская промышленность, Нижегородская ярмарка, хлебная продажа, какие продукты и через какие пристани идут в Петербург и какие в Москву, даже цены на хлеб, крестьянские ремесла и т. д.); немало записей о «приметах дурных управителей», кто какие берет взятки (взятки прокурора, взятки губернатора). — словом, целая энциклопедия тогдашней жизни.

Когда П. А. Плетнев сделал ему замечание, почему он интересуется толками журналистов, Гоголь ответил: «Не позав-

буль, что я, хоть и подвизаюсь на прищипе искусства, хотя и художник в душе, но предмет моего художества современный человек, и мне нужно его знать не по одной его внешней наружности. Мне нужно знать душу его, ее нынешнее состояние».

Состояние души современного ему человека было для Гоголя важнейшей задачей его творчества, и он искал путей к пониманию его — и в реакции читателей на свои книги (Гоголь просил друзей проследить эту реакцию, давая читать его книги всем, вплоть до «дворовых людей»), и в чтении современной ему русской литературы, и в стремлении понять достоинство человека в силе и естественности, а не в идеализации его характера.

О своем втором томе «Мертвых душ», как бы заранее протестуя против навязываемого ему задания дать, в противоположность героям первого тома, — галерею «идеальных», выдуманных, абстрагированных от жизни персонажей, он неоднократно пытался сказать и предупредить в письмах, что не этим вовсе путем идет он в работе; в письме к К. И. Маркову, одному из своих читателей, Гоголь за три года до смерти высказывает совершенно определенно: «Что же касается до II тома «Мертвых душ», то я не имел в виду собственно героя добродетель. Напротив, почти все действующие лица могут называться героями недостатков. Дело только в том, что характеры значительные прежних и что намерение автора было войти здесь глубже в высшее значение жизни, нами оплошней, обнаружив видней русского человека не с одной какой-либо стороны».

И, наконец, подлинное завещание Гоголя, осязая, на котором он приобретает доверительный характер, нечто реальное и беспримечное, как точный измерительный прибор, — это указанный им в одном из писем метод проверки человеческих качеств, реальной ценности человека. Письмо адресовано тоже читателю,

ВЫСТУПАЯ с речью на XXI съезде КПСС, А. Твардовский говорил о необходимости требовательности к идейно-художественному качеству произведений советских писателей.

Что такое мастерство в искусстве? Мастер формы должен быть мастером содержания. Маяковский понял, что разрабатывать и совершенствовать новые формы стиха — значит разрабатывать и совершенствовать новое содержание.

На протяжении столетий русские поэты выработали колоссальное количество всевозможных стиховых размеров. По имному осторожному подсчетам, в фондах и запасах русской поэзии XVII—XX веков (вместе с народной поэзией) имеется около тысячи самых разнообразных форм стиха.

Фантастична популярность в русской поэзии четырехстопного хорея и, особенно, четырехстопного ямба. Объясняется это не тем, что они якобы больше других подходят к духу русского языка; в народной и виршевой поэзии вовсе нет ямбов, а хорей там иной структуры. Популярность ямбов и хореев объясняется тем, что переход на эстафету от поколения к поколению, совершенствуясь у таких великих мастеров, как Державин, Пушкин, Лермонтов, Брюсов, Блок, эти хорей и ямбы уже с детства определяют ритмическую направленность поэтов.

Современная советская действительность так богата событиями, так разнообразна, так насыщена новым содержанием, что даже непосредственное использование поэтами готовых стиховых форм, не говоря уже о поисках новых, обогатило бы советскую поэзию. На деле порой получается иная картина: богатейший жизненный материал поэты, часто без всяких на то оснований, по привычке, по инер-

ции или по безразличию к своему высокому ремеслу, формируют в однообразные, надоедливые, обветшалые ритмы, утрачившие от каждодневного употребления свой эстетический потенциал.

Обратимся к сегодняшнему дню русской поэзии. Посмотрим, с какой стиховой мерой подходит поэты к современной тематике и к художественному слову. Расмотрим некоторые из этой точки зрения стихи альманахов «День поэзии» 1957 года и «День русской поэзии» 1958 года, не касаясь тематики. Что же оказывается? Если подытожить данные о количестве стихотворных форм, которые представлены многочисленными участниками альманахов, то мы увидим, что поэты оперируют лишь двадцатью — тридцатью «соответствующими мерками» из тысячи конкретно существующих в русском стихе, не говоря уже о реально возможных новых формах образования. А из этих двадцати—тридцати размеров постоянно следуют по пятам за поэтами восемь—десять... Волюно или неволью, по инерции или по незнанию, но во всяком случае без умысла авторы двух «Дней» русской поэзии донеся бедности стиховой формы, особенно если принять во внимание, что повсеместно применяется только четырехстопная строфа, а рифма, за редчайшими исключениями, стерта, убога, а ней не применимы пушкинские строки:

Рифма — звучная подруга, Вдохновенного досуга, Вдохновенного труда...

Почему же так бедна стиховыми формами поэзия теперь, как раз в такое время, когда вся наша экономика и культура находится на высочайшем подъеме, а наука и техника стали самыми передовыми в мире? Об этом стоит подумать, об этом следует поговорить на предстоящем III Всесоюзном съезде советских писателей.

Если же просматривать материалы недавно происходившего Учредительного съезда писателей РСФСР, то мы найдем там ряд тревожащих высказываний и упреков по адресу современных поэтов. Так, коснувшись поэзии В. Маяковского, Л. Соболев сказал в своем докладе: «Его неустанный натиск на старые поэтические формы — это партийное желание найти более совершенный способ агитации в массах». Л. Соболев заявил, что «необходимо положить конец способу написания патетических мыслей в нас не очень в ходу. Есть даже люди, которые падают — не формализм ли это? Но ведь это просто мастера».

Очень горячо и правильно говорил на съезде А. Сурков. Затронул вопрос о переводах на русский язык стихов братских народов, он заметил, что теперь «происходит некое выщелачивание богатейшего стихотворного фонда русской поэзии, богатейших, разнообразных форм, отличного инструментариума художественных изобразительных средств, обидное потускнение литературного языка».

В выступлениях В. Перцова мы находим интересные высказывания о традициях русской литературы: «Надо помнить, что эти традиции — не застывшие, что это опыт — движущийся».

«Я с огорчением должен отметить», — заявил на съезде Е. Долматовский, — что о поэтическом мастерстве мы говорим все меньше, мы понизили требовательность и высказательность к стихам». Не соглашаясь с восторгами Л. Ошанина по поводу альманаха «День русской поэзии», Е. Долматовский отметил, что «...много так и стихом ровных, маловыразительных стихов, весьма похожих друг на друга, словно одним автором написанных».

Таким образом, если подытожить общее мнение писательской общественности о положении современной поэзии, о явном «выщелачивании» богатейшего стихотворного фонда русской поэзии, то можно выявить четыре основных отрицательных фактора, вызвавших снижение культуры русского стиха.

Во-первых, боязнь поэтов, вопреки традиции всей отечественной поэзии, уделить внимание поискам новых форм стиха в соответствии с новым содержанием. Слишком часто у нас отношения к формалистическим языкам просто необычные ритмы, и непривычные образы, и своеобразные стилистика, и невинные языковые новшества, и оригинальную композицию стихов.

Во-вторых, боязнь поэтов, вопреки традиции всей отечественной поэзии, уделить внимание поискам новых форм стиха в соответствии с новым содержанием. Слишком часто у нас отношения к формалистическим языкам просто необычные ритмы, и непривычные образы, и своеобразные стилистика, и невинные языковые новшества, и оригинальную композицию стихов.

В-третьих, боязнь поэтов, вопреки традиции всей отечественной поэзии, уделить внимание поискам новых форм стиха в соответствии с новым содержанием. Слишком часто у нас отношения к формалистическим языкам просто необычные ритмы, и непривычные образы, и своеобразные стилистика, и невинные языковые новшества, и оригинальную композицию стихов.

В-четвертых, отсутствие специальной литературы по стихосложению и равнодушие критики к искусству стиха. Никакая практика не может развиваться без теории. Это — азбука истины, которую смеем доказывать. Я утверждаю, что падение у нас культуры стиха и обеднение поэзии произошло и потому, что поэты в массе не знают технологии своего ремесла, которая действительно стала «тайной», поскольку говорить и писать об этом негде. К стиховедческим работам установилось такое же высокомерное отношение, какое еще недавно было у некоторых наших философов по отношению к кибернетике.

И еще несколько слов о русской народной поэзии как неисчерпаемой сокровищнице поэтических форм. Былинная форма стиха, видимо, не подходит к нашей современности. Но другие народные жанры, и в особенности лирическая поэзия, заключают в себе ритмы бесподобной красоты. Поэты не используют национальное богатство стиховых форм, на нем не обладает ни одна литература в Европе. Это тема особая, очень важная, и говорить об этом нужно в специальной статье. Коротко лишь отмечу, что метрика русского народного стиха представляет собой изумительное по самостоятельности явление, достойное самого тщательного изучения.

Во-вторых, у нас появилась новая могущественная отрасль литературы — переводы. Переводная поэзия охватывает собой не только стихи братских народов, о чем говорил А. Сурков, но и народов всего мира. Мы, русские, — народ жадный. Мы хотим знать все. Этим всегда славилась Россия, широко переводившая иностранные авторов (часто раньше, чем в других странах). Сейчас, пожалуй, не найдешь советского поэта, который не занимался бы переводами. Часть поэтов совсем ушла в переводы. Многие специализировались на этой отрасли и переводят (по подстрочникам) стихи чуть ли не со всех языков мира. В большинстве случаев это не переводы, а как говорили в XVIII и в начале XIX века, «переложения». И какие уж тут поиски новых форм, ритмов, рифм, образов? Перед тобой все готово: содержание — подстрочник, форма — любой ямб, первый встречный хорей или дактиль. В переводах сойдет любая рифма. Нашествие переводных стихов, сделанных наспех, по конвейеру, и почти поголовное участие в этой работе поэтов в какой-то степени обесценили отечественное искусство слова. Должен оговориться, что я здесь совсем не имею в виду таких великодушных специалистов переводческого дела, как, например, В. Жуковский и Ч. Гнедич в прошлом, или как К. Чуковский, М. Лозинский, Н. Заболоцкий, С. Маршак, Л. Леонов, С. Липкин и В. Левин в наше время.

В-третьих, проблема традиций, о которой говорил на съезде писателей РСФСР В. Перцов. Есть традиции, которые задерживают развитие искусства, и есть традиции, которые поддерживают его рост, сохраняя силу исторической преемственности. Тематически наша поэзия очень богата: жизнь подкашивает множество интересных новых тем. Но, имея в кладовых поэтики колоссальные резервы разнообразного инструментариума, почти все наши поэты ограничивают себя канонами надоедливой «восьмиллоса», как в старинном церковном пении. Для искусства это более чем мало. В массе своей стихи пишутся на один салтык, настолько инвариантна и обезличена фактура стиха. Е. Долматовский правильно подметил это явление. А ведь и ямбы, и хорей можно обновить. В. Луговской написал, например, цикл луговской поэмы пятистопным белым ямбом, который обычно применяется в пьесе, и получился очень свежо.

В-четвертых, отсутствие специальной литературы по стихосложению и равнодушие критики к искусству стиха. Никакая практика не может развиваться без теории. Это — азбука истины, которую смеем доказывать. Я утверждаю, что падение у нас культуры стиха и обеднение поэзии произошло и потому, что поэты в массе не знают технологии своего ремесла, которая действительно стала «тайной», поскольку говорить и писать об этом негде. К стиховедческим работам установилось такое же высокомерное отношение, какое еще недавно было у некоторых наших философов по отношению к кибернетике.

И еще несколько слов о русской народной поэзии как неисчерпаемой сокровищнице поэтических форм. Былинная форма стиха, видимо, не подходит к нашей современности. Но другие народные жанры, и в особенности лирическая поэзия, заключают в себе ритмы бесподобной красоты. Поэты не используют национальное богатство стиховых форм, на нем не обладает ни одна литература в Европе. Это тема особая, очень важная, и говорить об этом нужно в специальной статье. Коротко лишь отмечу, что метрика русского народного стиха представляет собой изумительное по самостоятельности явление, достойное самого тщательного изучения.

Проблема русского стиха — огромная проблема нашей отечественной культуры и поэзии. Мы стоим в преддверии коммунизма. Пора спокойно обсудить положение в нашем поэтическом хозяйстве и по-товарищески, по-деловому поговорить на очень нужную тему — о русском прославленном стихе — не косясь подозрительно на соседа по ассансам. Нужно бороться с формализмом. Он разрушает форму и содержание, он разрушает технику искусства. А без высокой техники нет мастерства, нет настоящего искусства, воспитывающего культурных людей и формирующего высокие эстетические вкусы.

А. КВАТКОВСКИЙ

КАЖДЫЙ человек, любящий спорт, отлично знает ощущение, когда высокое спортивное мастерство уже воспринимается, как искусство, приносит эстетическую радость.

Но есть такие области спорта, которые близки искусству по самой своей природе. Так на наших глазах произошло утверждение нового «жанра», где спорт и хореографическое искусство взаимно обогатили друг друга: фигурное катание на коньках породило балет на льду.

На ледяном поле Дворца спорта уже демонстрировали свое искусство наши гости из Вены, Праги, Будапешта; показали свою программу «Зимняя фантазия» и молодые советские фигуристы.

Сейчас мы увидели «Праздник на льду», программу, созданную ансамблем, прибывшим из Соединенных Штатов, Америки.

Это не только балет и даже не столько балет, сколько «ледяной спектакль», в котором широко использованы и цирковое искусство, и пантомима, и хореография, и фигурное катание в его «чистом виде».

Режиссерская «раскадровка» спектакля изобретательна. В больших нарядных композициях, таких, как «Праздник в Альпах», режиссеры-постановщики Джордж и Рут Тайсон передали ощущение красочности, кипящего веселья, а балетмейстеры-постановщики Мари Карр и Честер Хейл стремились создать темпераментный, острый хореографический рисунок.

Но все же, что именно было в программе американского ансамбля наиболее ярким, своеобразным, отличающим его от других ансамблей?

Думается, искусство солистов. Превосходна работа Дика Баттона. Дик Баттон — неоднократный чемпион мира, обладатель золотой олимпийской медали. Это — блестящий спортсмен. Ему не надо «переступать» грань, отделяющую спорт от искусства: то, что он делает, и есть искусство. Любимый номер он выполняет с такой волшебной легкостью, что само понятие сложности как бы исчезает. И вместе с тем обычное, простое скольжение по льду становится в его воплощении летанием, воздушным, почти поэтическим.

Это «спортивное начало» в его высоком выражении сказывается и в работе Алисы Кесси. При всей нарядной театральности ее номера, вы прежде всего ощущаете энергию и пластику отличной спортсменки, ту живую силу, отблеск которой можно увидеть безошибочно распознать.

Интересно работает Бадди Лалонд, чемпион США по прыжкам на коньках. Легко и точно он перелетает через сложные препятствия: это номер трудный, и Лалонд проводит его с блеском. Пленило зрителей выступление Бадди Лалонда с дочерью, четырехлетней Робби, как эльфа, порхающей по льду. У этого маленького эльфа к тому же на диво тренированы мышцы.

Но ансамбль, как известно, не состоит из одних солистов. К сожалению, кордебалет американского ансамбля не показал такого мастерства, как его сольная группа. Я говорю это, конечно, не в плане прямого сравнения. Каждый вид искусства надо судить по законам его жанра: эти законы действуют и в принципах создания цельного, сильного ансамбля. Такие номера программы, как «Итальянский праздник», при всей их внешней эффектности очень незамысловаты по хореографическому решению, откровенно наивны по пластике.

И вместе с тем большой эрудит «Музыка американских композиторов» привлекает своим своеобразием, изысканным ритмическим рисунком. В композиции занята большая группа солистов. Не это ли решило удачу номера?

Хочется сказать несколько слов о клоунаде.

Бадди и Вадди, два комика, веселят зрителей своими проделками. По сути, это два классических цирковых «рыжих», только на коньках. Отдавая дань старым традициям клоунады, Вадди и Бадди подчас ставят себя в ситуации, от которых мы уже давно и с охотой отказались на наших аренах. Но это уже вопрос вкуса. Что же касается мастерства Вадди и Бадди, то работают они очень технично, умея соединить веселье клоунады с невидимым и точным акробатическим и спортивным расчетом.

В дружбе народов, как и в дружбе отдельных людей, очень важны личные встречи и знакомства. Мы с радостью познакомимся с искусством американских артистов, показавших «Праздник на льду». Думаем, что они почувствовали это в первый же день своих выступлений по тем аплодисментам, которые неслись к ним из огромного зала Дворца спорта.

Татьяна ТЭСС

Известный американский конькобежец Бадди Лалонд со своей четырехлетней дочерью Робби во дворце спорта. Фото А. ЛАПША

Литературное ОБОЗРЕНИЕ

Сампа покорит гору!

Я. Ругоев ЛЕОХОД Перевод с финского В. Богачева «Советский писатель»

Природа Карелии с давних пор несласкова к человеку, и потому почти все легенды этой страны несут в себе мету о преодолении неких злых сил, преплетаясь к людям высвободить из глубокого заточения ключи счастья. Одну из таких легенд карельский поэт Я. Ругоев положил в основу своей стихотворной повести.

Ийво — ранен. Дома от оспы умерла маленькая дочь. Едва выжил ее брат, жизнерадостный двенадцатилетний Сампа, мечтавший победить Голдодную гору...

«К деревне Еутсен-ярви прилегал болото, знаменитое своими туманами, которые иногда в холодные августовские ночи оседают ином на озимых посевах и губят их. Здесь, у «кроткой горы Железной», жила со своими сыновьями славная хозяйка Ваппу. Всего было у них дворов. Внутри горы «чудомельница вертелась, хлеб и соль давая людям». Тут же протекала река, снабжая людей рыбой, а вокруг шумели леса, изобильные пушиной и грибами. Но вот злой дух Пейкко задумал положить конец людскому счастью и загорелся своей злобой к реке. Образовалась бесподобная болото, в глубине которого он зарылся сам, насылая отсюда на людей всякие невзгоды.

События в повести, подобно ледоходу, неудержимо устремляются вперед, как после долгого зстоя. Но даже в период зстоя путь жизни народная бьет в полную силу. Люди трудятся в лесу, на сплаве, на своих стужих полях. Они промышляют зверя в лесу и рыбу в озерах. Они умеют играть и веселиться в праздники, никогда не унывая и не теряя надежды дожидаться лучших дней. Они привыкли верить, что «медведь не ест карела, и вода его не сносит». И поэтому карелу все ничто. Так сильна и неистребима в нем любовь к жизни, что даже в самую трудную для себя пору он не остается глухим и слепым к великолепию окружающей его природы. Душа карела всегда полна песни и всегда широко раскрыта встрече суровой и величественной красоте, наполняющей его мир. Вот он обращается к водопаду, получившему название «Соколинный».

Скрылись под водою нивы, и лука, и перелески. Заболотился низины, заросли трясинной зыбкой.

Точно гордый смеялся сокол, что преследует добычу, ты сврываешься с утеса, со скалы трагичной плоской и в полете расправляешь крылья белоснежной пены над черемухой цветущей, над пьянящим духом сосен!

Если бы эту повесть взялся иллюстрировать хороший художник, влюбленный в природу Севера, да если бы пересмотрел переводчик еще раз допущенные им промахи (а их немало), то книга наша бы более широко круг читателей. Она того заслуживает.

А от автора читатель вправе ожидать прямого продолжения произведения, в котором главным героем будет выросший и возмужавший Сампа.

Эльмар ГРИН

Глаза видят многое...

В. Сафонов ПУТЕШЕСТВИЕ В ЧУЖУЮ ЖИЗНЬ «Советский писатель» Москва

Что в жизни писателя день? Неделя? Скажем, месяц? И очень много, и очень мало. Если он мало видит и мало работает, то жить — ничто. Но если глаза его видят хорошо, а голова в непрестанных трудах, так же как рука, в которой перо, то и день — не так уж мало, а месяц — и падавно.

Возьмите книгу Вадима Сафонова «Путешествие в чужую жизнь». Советские люди ежегодно совершают путешествия вокруг Европы. Оно длится несколько недель. Много ли можно увидеть за это время? Во всяком случае, не так уж мало. Это доказал В. Сафонов, написав книгу о своем путешествии. Она легко читается и познавательна. Хотя в ней немало таких сведений, которые можно найти в различных справочниках, в

книге они даны из первых рук, даны очевидцем, все виден чл м своими глазами. Поэтому книга, никак не претендующая на всесторонний и глубокий анализ чужой жизни, является интересным литературным свидетельством советского писателя. Она пронизана дружескими чувствами к простым людям чужих стран и большой любовью к своей Родине, славной Москве, которой посвящено лирическое вступление к книге.

Словом, «Путешествие в чужую жизнь» — неплохое чтение, особенно для молодежи. Книга эта принадлежит писателю, глаза которого видят многое.

Георгий ГУЛИА

Хороший подарок

Егор Полянский НОВЫЙ ЗНАКОМЫЙ Курское книжное издательство

Поэт Егор Полянский с ребятами разговаривает серьезно, как со взрослыми, в его стихах есть достоверность, без которой не может быть поэзия.

А подписать такая: «Бориска-лентяй пришел поглядеть на чужой урожай». Эти стихи и заканчивается поэма. Ни выводов, ни морализации — все так ясно.

Незамысловато написана маленькая поэма «Рис и Бориска», повествующая о том, как пионерское звено вело спор на тему, что сельть — рис или пшено, и по совету агронома посеяло кукурузу. И вот уже

Шумит кукуруза широкой листвою, встает кукуруза высокой стеной.

Полупутье рассказывает история о Борисе, который под предлогом поисков семян риса пролордничал все лето и явился только к осени «початки ломать». Примазавшись к чужой славе, он фотографировался на фоне кукурузы. Фотография появляется в стеновой газете.

Хорошую книжку подарил ребята курский поэт Егор Полянский. Вас ЖУРАВЛЕВ

КОРОТКО О КНИГАХ

* МИХАИЛ ЛОХВИЦКИЙ — первая книга стихов поэта Гарольда Реггистана — автор многих стихов, помещенных на музыку для кинофильмов. Книжка, названная «Любовь и песни» (1959, 116 стр., цена 1 руб. 50 коп.), несомненно привлечет внимание любителей поэзии. В ней собраны лирика, песни и некоторые переводы из языков братских литератур. Это очень жалко, что в подобном роде изданий не всегда приводятся краткие сведения об авторах.

* «ВЫШЛИ В ЖИЗНЬ РО-МАНТИКИ» — так называется новая повесть писателя Михаила Златогорова («Молодая гвардия», 1958, 174 стр., цена 3 руб. 90 коп.). Это уже не первая его книга, посвященная жизни советских людей в Крайнем Севере. В повести описываются трудные будни ленинградских девушек Юли Костровой и ее друзей, доблестно поехавших на Северострой. Автор с большой любовью пишет о Севере, и книга с интересом будет прочитана молодежью.

НАДЕЖДЫ АМЕРИКАНЦЕВ

АМЕРИКАНСКИЙ народ, когда ему представляется такая возможность, голосует за дело мира. Американцы проголосовали за мир во время выборов 1958 года и избрали в конгресс двух сторонников дружественных отношений между народами — Уильяма Мейера, представителя штата Вермонт, и молодого психолога, профессора экономики Денверского университета (штат Колорадо) доктора Байрона Джонсона. Противники мира обрушились на этих двух кандидатов с градом нападок, призывая избирателей провалить их на выборах «в интересах обороны страны». Однако народ не попался на удочку лжепатриотизма. В тиши кабин для голосования избиратели рассудили, что в интересах их родины — в интересах мира. Они отдали голоса деятелям, выступившим против тех, кто раздувал военную истерию, добиваясь увеличения военных бюджетов и поддерживал политику на грани войны. Мейер и Джонсон баллотировались от демократической партии и одержали победу на выборах в избирательных округах, которые в течение многих лет были оплотом республиканцев. Это свидетельствует о том, что обстановка в стране меняется.

Весь мир знает, с каким гостеприимством, с какой дружной приемкой американцы заместителя премьер-министра СССР Анастасия Микояна, посетившего Соединенные Штаты. В моем родном городе Сан-Франциско был устроен в честь Микояна две большие встречи, участниками которых были весьма консервативные организации — Пресс-клуб и Совет по делам торговли. Во время этих встреч участники приветствовали приезд Микояна установив дружеские и добрососедские отношения бурными аплодисментами, переходящими в овацию. Желающих попасть на эти встречи было великое множество. Простых людей не останавливала высокая цена входных билетов. Совершенно очевидно, как заявил недавно в беседе с нами, участникам сессии Бюро Всемирного Совета Мира, премьер-министр Хрущев, что русские и американцы понимают друг друга, когда говорят на языке мира.

Много признаков убедительно свидетельствуют о растущей решимости народа нашей страны положить конец «холодной войне», покончить с опасностями и тяготами, которые «холодная война» несет американскому народу и народам всех стран. Среди этих признаков следует отметить живой интерес, проявляемый американцами к культурному обмену с Советским Союзом. Выдающихся мастеров советского искусства — Гилельса, Ойстраха, Ростроповича, артистов ансамбля под руководством Моисея и хореографического ансамбля «Березка» — повсюду встречали с распростертыми объятиями. Американцы с нетерпением ждут приезда и других советских мастеров искусства, собирающихся выступить в США.

Нет никакого сомнения в том, что атмосфера общественного мнения в Соединенных Штатах меняется. Постепенно, хотя, может быть, и не так быстро, как хотелось бы многим из нас, участники движения сторонников мира, американский народ высвобождается из оков «холодной войны» и заявляет о своем стремлении к миру, которое американцы разделяют со всем человечеством. Это находит свое выражение в росте числа организаций, выступающих за мир. Пока что в Соединенных Штатах нет общенационального движения сторонников мира, которое объединило бы всех, кто выступает против «горячей» и «холодной войны». Однако в стране имеется целый ряд движений меньшего размаха, некоторые из них действуют очень энергично и решительно.

Среди наиболее широких движений, выступающих за мир, можно назвать ряд религиозных организаций, как, например, квакеры, комитеты мира при методистской церкви, национальный совет церквей, унитарная церковь; также организации, как американская организация в поддержку Объединенных Наций, Национальный совет американско-советской дружбы, Америко-русский институт и

Рис. М. Бренайзена

организаций, выступающих за мир. Пока что в Соединенных Штатах нет общенационального движения сторонников мира, которое объединило бы всех, кто выступает против «горячей» и «холодной войны». Однако в стране имеется целый ряд движений меньшего размаха, некоторые из них действуют очень энергично и решительно.

Национальный комитет за разумную ядерную политику. Последняя из перечисленных выше организаций, созданная при участии большого числа видных американских деятелей, быстро растет. За прекращение гонимых вооружений наряду с сотнями других сторонников мира выступают: доктор Лайнус Полинг, удостоенный в свое время Нобелевской премии за работы в области химии; доктор Герман Мюллер, известный специалист в области генетики, работающий в университете Индианы; писатель Льюис Мамфорд и редактор еженедельника «Сатердей ревью» Норман Кэлинс. В одном из номеров газеты «Нью-Йорк таймс» приведен текст обращения, врученного этими деятелями науки и

культуры 31 октября 1958 года участникам Женевского совещания. «Мы хотим, чтобы вы осознали, что ваш долг — сохранить на нашей планете условия, необходимые для жизни человека, и сделать эту жизнь безопасной», — говорится в обращении. Авторы предостерегают участников Женевского совещания: «Не исключена возможность, что за срыв переговоров придется расплачиваться ценою жизни человечества. Успех переговоров в Женеве — это вопрос жизни и смерти. На вас возложена обязанность добиться успеха».

К этому решительному требованию — сделать первый шаг в деле ликвидации войны и прекратить испытания ядерного оружия — присоединилось большинство американцев. Американцы хотят жить в мире и безопасности. Нане они спешат занять свое место в ряду народов мира, выступающих с основным требованием: «Покончить с войной!»

Печальны для Федеративной Республики Германии итоги той политики, которая связана с участием страны в агрессивном блоке НАТО. Превращая ФРГ, по выражению американского генерала Эйзенхауэра, в «стратегическое орудие НАТО», боннские власти подвергают смертельной опасности жизнь немецкого народа. В страну воззвращают ракетное оружие. Печально сообщает, что оружие массового уничтожения уже получили соединения Bundeswehr, находящиеся в Гиссене, Доннерсберге и других местах. Население Западной Германии не остается безучастным к такому опасному развитию событий. В Дортмунде, Бохуме, Нордберге состоялся митинг, собрания, демонстрации протеста против ухудшения условий жизни. На митингах участники недавней демонстрации 80 тысяч горняков города Бохума (Рурская область). Демонстранты наряду с экономическими требованиями призвали положить конец превращению Западной Германии в очаг разжигания новой войны со всем ракетным базис в Рурской области» — написано на транспарантах бохумцев.

Снимок из немецкого журнала «Фрау фон хайт»

Литературный «дранг нах остен»

КНИГИ в бумажных, картонных, колленкоровых переплетках, тисненые названия: «Проблемы германского Востока», «Восточные области Германской империи», «Рига — бастион Запада на Балтике»... Что это, «библиографические редкости», чудом уцелевшие со времен Геббельса? Увы, это — наудачу взятые названия книжной продукции, выпускаемой в ФРГ в наши дни.

Поток неонацистских изданий огромен. В западногерманском городе Гёттингене издан недавно библиографический справочник, предназначенный, как это явствует из рекламных объявлений, для «лиц, заинтересованных в проблемах Востока». Справочник содержит около 650 названий книг ревизионистского характера, выпущенных в ФРГ только за один 1957 год. Красочная цифра! 650 книг призывают к «ресторному походу на Восток», проповедуют захват чужих земель. Неблаговидную миссию поборников ревизионизма взяли на себя также издательства, как «Грефе и Унцер» и «Берштадт-Ферлаг Корн» (Мюнхен), «Раутенберг-Ферлаг» (Леер), «Хеймат-Ферлаг» (Франкфурт-на-Майне) и многие другие. Они печатают все, что служит делу милитаристской и фашистской пропаганды, — от воспоминаний о «старом Фриде», то есть прусском короле Фридрихе II, до предателей — влассовских наемников Гитлера. Не отстают и многочисленные ревизионистские организации: 190 периодических изданий — таков их вклад в пропаганду войны и человеконенавистничества.

Издательства и печатные органы ФРГ оказались «тихой гаванью» для литературных служак «третьего рейха». Бывший крестейтер нацистского правительства в Словакии Альберт Смагон стал ныне директором издательства «Хеймат-Ферлаг» редактором ревизионистского листа «Ост-Вест-Курьер». В последние годы он особенно бурно развив свою деятельность, организовав союз издателей — бывших гитлеровцев, где в качестве управляющего подвизается Конрад Хесс, тоже крестейтер, служивший в Праге. К «тихой гавани» пристали фашистские писатели Генрих Далих, Бруно Брем, Вильгельм Плейер, Ганс-Фридрих Блунд, Август Винниг — бывший обер-президент Восточной Пруссии и автор текста к сборнику «Немецкий орден крестоносцев и его цитадели». Стоит ли после всего этого удивляться, что в Дюссельдорфе теперь огромный тиражом переиздана книга Ганса Венатера «Фотг Бартольд», отмеченная в гитлеровской Германии литературной премией за 1940 год?

Западногерманские издания, так называемая «восточная» литература, пишет берлинский еженедельник «Зоннаут», служат «программе, которая имеет целью: «Завоевание Востока силой оружия».

Д. Б.

На театральных подмостках Японии

А. СОЛДОВНИКОВ

ЖИЗНЬ Японии полна контрастов. Патриархальное уживается в ней рядом с ультрасовременным. Старинные формы театральных представлений, далеких от жизни, соседствуют со смелыми попытками вторгнуться в самую ее гущу. Не сразу поймешь — то ли это от изобилия творческих направлений, то ли потому, что многое изменилось в этой стране за полтора десятка лет и новое ищет себя на обломках старого.

Торжественная и чинная тишина царит на спектакле театра «Но». Здесь нет привычной для нас сцены — высокий помост, сделанный из чистого, прекрасно обработанного дерева, занимает четверть зала, углом выходя к его центру, но слышно аплодисментов. Зрители приходят, садятся, тихо уходят. А представление все идет — неторопливо и долго.

Участники представления сидят на помосте неподвижно, поджав под себя ноги. И только один из них плавно и медленно, в торжественном, полном символов танце рассказывает — походкой, жестами, позой, движениями веера — некую длинную историю. Все в движении. Но безостановочно и недвижимо лицо танцора. Недвижимо потому, что это маска, женская маска. Рассказ ведется от имени женщины, а роль исполняет мужчина. По старинной традиции, женщины для участия в спектаклях не допускаются.

Торжественная медлительность движений маски, редкие удары барабанов, тягуче звучащие голоса комментаторов и хора, дым благовоний, распространяющийся в зале, — все это напоминает священнодействие, ритуал жизни далекой и очень чужой. Я оглядываюсь по сторонам. Зрители, добрая половина из которых — иностранцы, застыли в какой-то сонливой дремоте. Большинство японцев почти не следит за действием на помосте. Их внимание сосредоточено на программах с текстом музыки, и напоминают они опытных любителей музыки, проверяющих по партитуре звучание оркестра.

После спектакля я попросил сопровождавшего нас переводчика, маленького студента в очках, подробнее рассказать содержание пьесы. Смутившись, он сознался, что, как и мы, впервые посетил театр «Но» и... плохо понял спектакль. Такой ответ не удивил нас: «Но» — театр для избранных.

Лишь в дальнейшем мне удалось удовлетворить свое любопытство. Пьеса уносила зрителей в далекое прошлое. Пантомимно-хореографический монолог маски изображал страдания несправедливо обвиненной придворной поэтессы. Поэтесса написала стихи в честь императора, и он похвалил их. Тогда поэт-завистник (он одет в черное) вписал эти стихи в древний сборник и публично обвинил поэтессу в плагиате. Честь поэтессы оскорблена, поэтесса в отчаянии и решает покончить с собой. Третий поэт, олицетворяющий доброты и справедливости (он одет в светлое), советует ей пойти той же дорогой, вода размоет ее, и подделка обнаружится. Поэтесса внемлет совету и торжествует — тушь размыва. Император доволен исходом дела: честь его любимой поэтессы восстановлена. Но теперь в отчаянии поэт-завистник, он не может перенести позора и в свою очередь решает сделать себе характеры. Однако он остается жить: благородная поэтесса прощает его.

Вряд ли нужно объяснять, как далек театр «Но» от жизни, бурлящей за его стенами. Далеко не только репертуаром, но всем ритмом и характером действия. Жизнь течет, меняется, а в театре господствует неподвижность. На помосте и в зале сидят люди, которым некуда торопиться. Горести и радости бытия проходят мимо них, укрывшихся за стеной старинных легенд, далеких воспоминаний и отживших церемоний. Другой старинный национальный театр — «Кабуки» — гораздо более по-

пулярен и любим зрителями. Мастерство его крупнейших актеров оттачивается в течение многих лет и передается от одного поколения к другому. Репертуар театра также составляют преимущественно легенды феодального периода, древние сказания и хореографические пантомимы. Как и в театре «Но», женщины лишены права играть в спектаклях «Кабуки».

Все аксессуары «Кабуки», определившие своеобразный характер его спектаклей, сложились и развились, вероятно, из стремления сделать героя театральных представлений непохожим на живого, обычного человека. Как правило, герой этот — подубог, сверхчеловек, чудо-богатырь, который не может просто и естественно выражать свои думы и чувства.

Однако в нынешнем «Кабуки» уже нет той архаичности чистоты стили, которая и по сей день отличает театр «Но». Наряду со сверхгероями в его представлениях нередко участвуют простодушные. Роли их исполняются в близкой нашему театру реалистической, бытовой манере, а в сценической обстановке многое взято из жизни и весьма точно воспроизводит реальные предметы и утварь японского дома. К поэтизации вполне достоверных картин природы стремятся пейзажные декорации. Во всем этом ощущению несомненно влияние реальной жизни и новых театральных веяний.

Эволюция «Кабуки» говорит о стремлении представляемого этим театром течения сохранить свою жизнеспособность и воздействие на сравнительно широкие круги зрителей.

Намного дальше «Кабуки» пошел в поисках связей с жизнью театр «Дзэнсин-дза». Созданный в 1931 году, он особенно активно развернул свою творческую деятельность после войны. «Дзэнсин» означает по-японски «путь вперед», и «Дзэнсин-дза» действительно стремится продвинуть вперед сценическое искусство своей страны, органически соединяя традиционные приемы национального театра с новым содержанием, близким и понятным народу.

У мхатовцев была очень сердечная и дружеская встреча с актерами «Дзэнсин-дза». Нас познакомили с жизнью и бытом этого интересного коллектива, насчитывающего около ста человек. Они живут вместе, в большом общежитии, где имеется и репетиционный зал. Пополнение труппы идет за счет членов семей актеров, и дети обучаются приемам танца и сценического представления с шести лет. В труппу «Дзэнсин-дза» допущены женщины. Правда, их только десять, и играют они либо в западном, либо в современном репертуаре. Что же касается традиционных национальных пьес, то даже в этом репертуаре женские роли исполняют мужчины.

Актеры «Дзэнсин-дза» показали нам два отрывка из своих представлений. Первый — танец «Посев риса», где со свойственными старинному японскому танцу изяществом и грациозностью движениями пропонуны мотивами труда, — порадовал нас красотой и свежестью. Второй отрывок был взят из спектакля «Поступление слуги». Интересно о нем мысленно этой пьесы-легенды: народ рождает богатыря, своего предводителя, и под его руководством побеждает тирана-феодала, отнимая у него слона — символ благополучия. Вас увлекает содержание спектакля, от которого веет духом демократизма, уважения к народу-трудящему и страстного стремления к свободе.

Более последовательны в Японии так называемые театры нового направления, ставшие на путь полного обновления традиций национального сценического искусства. Начало этому направлению положила творческая деятельность таких мастеров и новаторов японской сцены, как Каору Осанаи и Еси Хидзюката. В начале двадцатых годов Каору Осанаи посетил Москву. Спектакли Московского Художественного театра и беседы со Станиславским произвели на него неизгладимое впечатление, и по возвращении на родину Каору Осанаи стал убежденным последователем метода МХАТа. Созданный им «Свободный театр» многое сделал для утверждения в Японии реалистических форм сценического искусства и популяризации драматургии Чехова и Горького. Открывшиеся вслед за ним другие реалистические театры также стремились связать свою судьбу с прогрессивным движением и, отыскивая пути к нему, изучали опыт советских театров, передовых театров Западной Европы.

В 1946 году группой передовых деятелей японской сцены был организован тонкий театр «Мингю» («Театр народного искусства»). Их объединило горячее стремление создать театр для народа, близкий ему, зовущий, волнующий. В репертуаре театра — ряд классических произведений, и среди них — чеховская «Чайка», но главным направлением творческих поисков всего коллектива стала современная драматургия. Антивоенная и антифашистская тематика особенно близка театру. На его сцене шли такие политически острые постановки, как драма Л. Кручковского «Любовь сильнее смерти», рассказывающая о невинно

Албан Лиешти снова в тюрьме

ЗАКЛЮЧЕННЫМ № 4730. Так именуют в марсельской тюрьме Бометт черноволосого юношу. Его исхудалое лицо светилось от отваги и благородства. Он, французский солдат Албан Лиешти, отказался участвовать в колониальной войне против народа Алжира. За это в ноябре 1956 года военный трибунал осудил его на два года тюремного заключения. О мужественном поступке Албана Лиешти, о борьбе прогрессивной французской общественности за освобождение молодого патриота в свое время рассказывала «Литературная газета».

Минувшей осенью открылись, наконец, двери тюрьмы. Албан Лиешти вышел на волю, приветствуемый многотысячной толпой друзей. Но оказалось, что впереди его ждут новые испытания... Французские власти приняли решение послать Албана Лиешти в Алжир и заставить сражаться против алжирского народа. Лиешти

интересам моей страны, я вновь подтверждаю свой отказ выехать в Алжир... Сотни друзей отважного патриота и предстателей передовой общественности провожали Албана и коротким версальской военной казармы. Албан шел, высоко поднимая голову. Он шел, зная, что его мужественный поступок грозит ему новым тюремным заключением, но что он не одинок в своей борьбе. Все больше становится во Франции последователей Албана Лиешти: двадцать пять французских юношей-солдат, отказавшихся воевать против народа Алжира, томится в тюрьмах. Ширится борьба за прекращение кровопролитной войны.

Сейчас стало известно, что Албан Лиешти — снова за тюремной решеткой. В алжирских тюрьмах а сблизился с ними. Я видел жертвы репрессий, видел провозов, столь же дикий, сколь и бесполозный. Оберегая честь Франции и стремясь служить истинным

ольт поступил так же, как в 1956 году. Недавно он направил письмо главе Французской республики, в котором заявил, что по-прежнему отказывается участвовать в алжирской войне — войне, противоречащей интересам Франции.

Газета «Юманите» опубликовала текст этого письма. «Еще в июле 1956 года, когда я впервые получил назначение в Алжир, я заявил, что отказываюсь принимать какое бы то ни было участие в этой несправедливой, безысходной войне», — говорится в письме... Десять месяцев, проведенных мною в Алжире, позволили мне увидеть, как велика нищета алжирцев, и понять, насколько оправданна их борьба против колониализма, за независимость. В алжирских тюрьмах я сблизился с ними. Я видел жертвы репрессий, видел провозов, столь же дикий, сколь и бесполозный. Оберегая честь Франции и стремясь служить истинным

на снимке: проводы Албана Лиешти в Париже. Снимок из французской газеты «Юманите».

За социалистическую культуру

ВАРШАВСКАЯ ГАЗЕТА «Трибуна» опубликовала текст выступления известного писателя Леона Кручковского на III съезде Польской объединенной рабочей партии. Подчеркнув то значение, которое партия всегда придавала развитию литературы и искусства, их роли в строительстве нового общества, Л. Кручковский отметил серьезные трудности идеологического характера в творческих кругах, особенно же в писательской среде.

Одну из причин сложившегося положения Л. Кручковский видит в «до сих пор слабой связи кругов творческой интеллигенции с рабочим классом, с революционным прошлым и нынешней каждодневной борьбой и работой партии... Речь идет прежде всего о глубокой солидарности с теми целями, которые партия реализует, которым она служит». Заботу партии о развитии литературы, продолжил Леон Кручковский, «выразил в докладе на съезде тов. Гомуля, говоря о необходимости до конца преодолеть влияние антисоциалистических и ревизионистских тенденций в творческих кругах и подчеркивая, что ныне, в условиях правильной политики партии в области культуры, эти тенденции составляют главное препятствие на пути развития польской социалистической культуры».

Порою приходится слышать, что «социалистическая культура — общее понятие... Трудно судить с людьми, которые не хотят видеть фактов». Уже несколько десятилетий понятие «социалистическая культура» наполняется конкретными фактами и конкретным содержанием идеального новаторства. Это достижение советской культуры, творчество других народов, строящих социализм, наконец, произведения видных писателей многих капиталистических стран. Одним из моментов идеального новаторства социалистической культуры Л. Кручковский называет ее гуманизм. Утверждение человеческой солидарности — в противовес философии индивидуализма и морального одиночества, провозглашаемой буржуазной литературой и искусством. Остановившись на упадочническом характере буржуазной литературы, Леон Кручковский сказал: «Было бы серьезной ошибкой полагать, что это попросту лживая литература. Она, несомненно, отражает определенные реальные, происходящие в современном мире процессы и факты. Дело скорее в том, что она не в состоянии увидеть никаких источников надежды. Это определяет наше критическое отношение к так называемой литературе отчаяния».

Указав на необходимость внимательно следить за тем, что происходит в среде художников капиталистических стран, поскольку все, что оказывает влияние на разум человека, должно нас касаться, Л. Кручковский подчеркнул: «Но трудно не протестовать, когда некоторые наши критики и писатели именно там, и только там, находят плодотворные импульсы для наших художников, когда они видят их именно в том, что свидетельствует об общественной немощи искусства тех стран. И поэтому, даже если пан Слонимский еще десять раз будет дуться на нас за то, что мы якобы требуем литературы «для ободрения сердец администраторов», мы каждый раз отвечаем ему одно и то же: мы хотим, чтобы ум и страсть наших художников не останавливались ни перед одной существующей проблемой, но мы хотим вместе с тем, чтобы их усилие, вместо того чтобы внутренне опустошать людей, помогали им жить, убеждали в том, что человек вместе с другими людьми способен преобразовать мир, чтобы они указывали опасность того, что действительно опасно, и красоту дел, которые действительно красивы, таких, как человеческий труд, как мужество и воля сделать жизнь лучше, таких, как социализм».